

УДК 94(47).081/.083 + 94(510).08/09+94(517)
DOI: 10.17223/19988613/74/17

А.А. Сизова

СОЗДАНИЕ РОССИЙСКОГО КОНСУЛЬСТВА В УЛЯСУТАЕ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОЙ И ЦИНСКОЙ ИМПЕРИЙ НАЧАЛА XX в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00502 «Институты российского / советского стратегического присутствия в Восточной Азии в XX в.».

Статья посвящена одному из малоизученных вопросов российско-китайско-монгольских отношений и российского присутствия в Восточной Азии начала XX в. – процессу становления императорского консульства России в г. Улясутае. На основе преимущественно неопубликованных архивных источников рассматриваются проблемы реализации Российской империей права на открытие консульского представительства в этом ключевом пункте Западной Монголии. Учреждение консульства было результатом сложного многолетнего межгосударственного и межведомственного взаимодействия, усилий дипломатов, пытавшихся максимально обеспечить национальные интересы в регионе.

Ключевые слова: дипломатия, консульство, российско-китайские отношения, российско-монгольские отношения, Цинская империя.

Развитие подсистемы международных взаимодействий в Северо-Восточной Азии второй половины XIX – начала XX в. характеризовалось устойчивым интересом как региональных, так и внерегиональных акторов к расширению «сфер влияния» в Цинской империи и на ее границах. Для России объектами стратегического интереса в условиях конкуренции со странами Западной Европы, США и Японией, в особенности на рубеже веков, стали Монголия, Синьцзян и Маньчжурия. На этих территориях уже долгое время развивались трансграничные торговые контакты, в Монголии и Западном Китае с середины XIX в. формировались российские фактории. История российско-цинского диалога по поводу реализации данных интересов России, его инструментов и институтов продолжает привлекать интерес исследователей. Введение в научный оборот новых фактов обладает непреложной ценностью для понимания локальных и региональных процессов на Дальнем Востоке, в том числе и в последующие периоды.

Одним из актуальных направлений является исследование деятельности учреждений и организаций, представлявших Россию в Китае и Монголии, прежде всего, официальных защитников национальных интересов – консульств. Вопросы работы консульских учреждений в пограничных с Россией регионах затрагивались в трудах Н.В. Богоявленского [1], М.И. Боголепова и М.Н. Соболева [2], И.Я. Коростовца [3], Е.М. Даревской [4, 5], Ш.Б. Чимитдоржиева [6], В.А. Моисеева [7, 8], А.В. Старцева [9–11], Н.Е. Единарховой [12–14], Ю.В. Кузьмина [15], А.Н. Хохлова [16–18], Е.А. Белова [19], В.Г. Дацышена [20, 21] и других авторов [22, 23]. Комплексные исследования деятельности российских консульств в Монголии и Китайском Алтае в период до 1917 г., наряду с различными аспектами работы консульств в Синьцзяне и Маньчжурии, были проведены А.А. Сизовой [24–27]. Новые архивные разыска-

ния позволяют открыть неизвестные страницы этих исторических сюжетов.

В данной статье на основе архивных материалов реконструируется процесс подготовки открытия первого консульского учреждения Российской империи в Западной Монголии (в г. Улясутае), обусловленный стремлением России реализовать обретенное по Петербургскому договору 1881 г. право на основание консульских представительств, обеспечить защиту стратегических и торговых интересов и сопряженный с преодолением препятствий, в первую очередь дипломатических, прилагаемым ею усилиям.

Взаимодействие двух империй, внешнеполитические ведомства которых опирались на отличавшиеся подходы к трактовке двусторонних договоров, по поводу создания в г. Улясутае российского консульства заслуживает специального рассмотрения, поскольку оно позволяет детализировать хронологию и ландшафт дипломатических и торговых контактов России с Цинской империей, проанализировать факторы расширения консульской сети, сделать некоторые обобщения относительно политики России в Северо-Восточной Азии начала XX в.

Система российских консульств в империи Цин начала формироваться благодаря заключению Кульджинского трактата и основанию в Кульдже и Чугучаке первых представительств в 1851 г. [28]. В Монголии первое консульство было основано в 1861 г. К моменту распада в связи с Октябрьской революцией 1917 г. система императорских консульств в Китайской Республике и автономной Монголии включала более 20 учреждений разного уровня под началом дипломатической миссии в Пекине. Открытие консульства в Улясутае (Джавхлант, Джибхаланту) являлось насущной потребностью для защиты и продвижения российских интересов, поскольку этот город был значимым

центром маньчжурской военно-административной системы (с 1780 г. и до 1911 г. здесь располагалась резиденция цзянцзюня) и крупным торговым пунктом. В Улясутайском и соседнем Кобдоском округах с 1850-х гг. трудились российские купцы, поддерживавшие «западный» маршрут российско-китайской торговли.

«Западное» направление торговли с Китаем стало развиваться со второй половины XIX в. и дополнило основное направление торгового пути через Кяхту. Благодаря заключению Пекинского договора 1860 г. возобновилось движение российских караванов через Калган (Чжанцзякоу), Кулунь и Кяхту, определенное Кяхтинским договором 1728 г. и прерванное в 1755 г. И если после 1905 г. Транссибирская магистраль отвлекла значительную часть чайных грузов, что снизило роль караванной торговли через Кяхту, то на западе Монголии и в Китайском Алтае сухопутный торговый путь сохранял значение. Улясутай служил важным транзитным пунктом, входившим в систему торговых путей наряду с Калганом, Ургой и Кяхтой, базой хошунной торговли. В городе заключались сделки, подбирались извозчики, располагались учреждения, торговые склады и другие объекты инфраструктуры.

На протяжении второй половины XIX в. российские коммерсанты, а также консульство в Урге не раз обращались с просьбами о создании в Западной Монголии отдельного консульского представительства, поскольку ресурсов единственного консульства в Урге для защиты интересов соотечественников на обширной территории Монголии было недостаточно. Санкт-Петербургский договор 1881 г. расширил права и привилегии России в империи Цин, закрепленные ранее в Кульджинском, Тяньзиньском и Пекинском договорах. Помимо прочих преимуществ, Россия получила право «по мере развития торговли и по соглашению с китайским правительством», учредить консульства в Кобдо и Улясутае (ст. 10) [28. С. 117–125], но по разным причинам не форсировала его реализацию.

Открытие консульства в Улясутае в 1909 г. ознаменовало начало периода расширения консульской системы в Монголии. Данное событие произошло на фоне кризиса российской торговли в Монголии, начавшегося с 1909 г., политического кризиса в Цинской империи и набиравшего обороты монгольского национально-освободительного движения. Уже в последней трети XIX в. стало очевидным противоречие между потребностями российского купечества и характером реализации трактатных прав на открытие консульств в приграничных регионах Китая. Учреждения создавались в основном тогда, когда возникала необходимость заполнения «вакуума силы» в контексте стратегических интересов России. С другой стороны, сдерживающими факторами являлись политика Пекина и вызовы международной среды. Несмотря на то, что в 1902–1903 гг. в Кобдо и Улясутае центральное правительство учредило специальные управления для разбора дел между российскими и китайскими подданными [29. Л. 5–7], с российской стороны решением консульских вопросов в Улясутайском и Кобдоском округах до 1909 г. официально занималось только консульство в Урге. Оно периодически командировало сотрудников для

выполнения судебных обязанностей, общего контроля и сбора сведений (в отдельных случаях в город командировались сотрудники консульства в Чугучаке). Коммерсанты, путешественники и сами дипломаты находили такое положение дел неудовлетворительным и называли его в качестве одной из причин кризисных явлений в экономическом взаимодействии с Монголией и Китаем.

В 1905 г. вопрос об учреждении консульства в Северо-Западной Монголии актуализировался в связи с мероприятиями цинского правительства по укреплению влияния в Кобдоском и Улясутайском округах, стимулированием миграции китайского населения в западную часть Халхи, а также наращиванием японского присутствия в регионе. Необходимость получения точных и своевременных сведений о ситуации в данной зоне стратегических интересов и потребность оперативного реагирования на вызовы были среди основных причин, обусловивших решение о расширении системы консульств. При этом положительная динамика российской торговли в Западной Монголии по «чуйскому» пути и в Урянхайском крае по «усинскому» пути, заметное развитие российских факторий расценивались МИДом лишь в качестве дополнительных причин для создания нового консульства. Это позволяет сделать вывод о трансформации подхода царского правительства к значению консульского института в регионе, прежде всего, как форпоста российского политического влияния.

Принимая во внимание неоднократные настоятельные рекомендации дипломатов в Урге и Чугучаке по открытию нового консульства, а также Военного ведомства, поднимавшего этот вопрос еще в 1903 г., после экспедиции в регион капитана В.Л. Попова [Там же. Л. 6 об. –7], в мае 1905 г. МИД принял решение об учреждении представительства в Западной Монголии. 13 мая 1905 г. директор Первого департамента обратился к директору Департамента личного состава и хозяйственных дел с просьбой о проведении решения по организации консульства в Улясутае в законодательном порядке [Там же. Л. 7 об.]. 28 ноября 1905 г. император Николай II утвердил и повелел исполнить мнение Государственного Совета об учреждении нового консульства [Там же. Л. 10]. Штаты представительства составляли консул (6-й класс по чиновному производству, 6-й разряд по шитью на мундире, содержание 7 500 руб. в год) и секретарь-драгоман (8-й класс по чиновному производству, 8-й разряд по шитью на мундире, содержание 3 750 руб.). На канцелярские расходы консульства и содержание его почтово-конвойной команды было решено отпускать по 3 000 руб. в год (по 1 500 руб. на каждый вид расходов). Одновременно упразднилась должность второго драгомана в Урге, который в предшествующий период мог выезжать в Улясутайский и Кобдоский округа для решения дел [Там же. Л. 10 об.].

Исполнение обязанностей главы нового консульства было возложено на занимавшего с 1905 г. пост консула в Турфане (фактически в Урумчи) титулярного советника В.В. Долбежева. Он получил специальное назначение в Улясутай, поскольку хорошо знал Монголию,

много лет прослужил секретарем и драгоманом в Урге. В секретной телеграмме 13 марта 1906 г. В.В. Долбежев обращался в Первый департамент с просьбой снести с Военным ведомством по вопросу о предоставлении ему конвойной команды консульства в Урумчи из 10 казаков и одного фельдшера для предстоящей в апреле 1906 г. командировки в Улясутай через Кобдо [29. Л. 12]. Дипломат планировал, покинув Урумчи в апреле, прибыть в Улясутай в мае, к началу торгового сезона и приезду в Западную Монголию большей части российских предпринимателей. На должность консула в Урумчи вместо В.В. Долбежева был назначен надворный советник Н.Н. Кротков, приезд которого ожидался в апреле [Там же. Л. 13].

Однако активизация деятельности России по учреждению нового консульства не встретила понимания цинского правительства. Оно отказывалось одобрять этот шаг на условиях, предложенных Петербургом, и стремилось замедлить процесс его реализации. Вай-у-бу во главе с князем Цином, ссылаясь на ст. 10 Петербургского договора, утверждало, что консульство в Улясутае может быть открыто только при увеличении российско-монгольской торговли, при этом исходило из своих представлений о ее «увеличении». Также утверждалось, что расширение российской консульской системы в Монголии могло быть осуществлено лишь при согласии России на закрепление в обновленном российско-китайском договоре положения об отмене беспошлинной торговли [Там же. Л. 50]. В свою очередь, Министерство иностранных дел России инструктировало посланника в Пекине Д.Д. Покотилова направить переговоры таким образом, чтобы режим беспошлинной торговли в Монголии был сохранен [Там же. Л. 14].

В связи тем, что открытие консульства откладывалось, Петербург планировал представить прибытие В.В. Долбежева в Улясутай как ординарную командировку консульского чиновника для решения накопившихся дел между российскими подданными и «смешанных» дел, что не должно было вызвать претензий Пекина. В письме от 26 марта 1906 г. Д.Д. Покотилова предлагал Первому департаменту в случае непреклонности князя Циная по вопросу об открытии консульства все-таки отправить В.В. Долбежева в Улясутай, объяснив это необходимостью в очередной выездной сессии консульского суда. Пространство для маневра в вопросе о продолжительности пребывания чиновника в Улясутае предполагалось обеспечить ответом о ее зависимости от сложности и объема судебных дел. Вай-у-бу обещало Д.Д. Покотилу снести по данному поводу с местными властями Улясутая [Там же. Л. 15]. Из-за затягивания Пекином переговоров Д.Д. Покотилова предложил В.В. Долбежеву задержаться в Урумчи, а Н.Н. Кроткову – в Кульдже, несмотря на то что последний уже отправил караваны с личными вещами в Урумчи [Там же. Л. 16–17]. В.В. Долбежев, в свою очередь, убеждал Д.Д. Покотилова, что в связи с началом торгового сезона оперативно отправить в Улясутай чиновника для разбора дел чрезвычайно важно [Там же. Л. 18]. 19 апреля 1906 г. Первый департамент телеграммой сообщил Д.Д. По-

котилову о выезде Н.Н. Кроткова и просил инструктировать В.В. Долбежева для отправки последнего в Улясутай.

В.В. Долбежеву удалось выехать из Урумчи в Улясутай только 21 мая 1906 г. через Гучэн и Кобдо, куда он с 10 сибирскими казаками прибыл 26 июня [30. Л. 9]. Д.Д. Покотилова, оставив ноту цинского внешнеполитического ведомства без ответа, поручил консулу в Урге В.Ф. Любе сообщить улясутайским властям косвенный предлог командировки В.В. Долбежева – разбор дел между российскими и китайскими подданными в Западной Монголии [29. Л. 20–20 об.].

Секретарем-драгоманом в Улясутае предлагалось назначить М.Н. Кузминского, занимавшего пост секретаря в Урге [27. С. 279]. На замену М.Н. Кузминскому в Ургу был назначен А.А. Вальтер, который выехал к месту службы из Петербурга. Однако в телеграмме Д.Д. Покотилу 19 апреля 1906 г. товарищ министра князь В.С. Оболенский-Нелединский-Мелецкий отметил, что консул в Урге В.Ф. Люба ходатайствовал о сохранении за М.Н. Кузминским должности секретаря во вверенном ему учреждении. Первый департамент разрешил М.Н. Кузминскому остаться в Урге до приезда нового секретаря консульства А.А. Вальтера и ознакомления его с делами, если В.В. Долбежев срочно не потребует секретаря в Улясутай [29. Л. 19]. Таким образом, исполняющий обязанности консула первое время был вынужден работать без помощника.

В сложившихся условиях МИД России продолжал проводить консультации с дипломатами в Урге и прибывшим в Улясутай В.В. Долбежевым, собирая информацию для подтверждения остроты потребности в открытии консульства и аргументы для дипломатического воздействия на цинское правительство. В.В. Долбежев, получивший по дороге в Улясутай актуальные сведения о положении дел в консульском округе, в донесении в Первый департамент Д.К. Семеновскому-Курилло 8 июля 1906 г. привел 12 доводов в пользу официального учреждения улясутайского консульства в кратчайший срок [Там же. Л. 20–20 об.].

В частности, он указывал, что объемы российской торговли в Улясутайском и Кобдоском округах, урянхайских, цзахачинских, торгоутских землях, дэрбэтских и киргизских кочевьях ежегодно увеличиваются. Так, в 1906 г. в Улясутае торговало 58 российских фирм, а в Кобдоском округе – более 30 отдельных предпринимателей с количеством служащих от 3 до 15. В одном только Кобдоском округе за 1905 г. общая сумма ввоза составила 897 152 руб. 89 коп., вывоза – 1 076 955 руб. 89 коп., годовой оборот – 1 974 108 р. 78 коп., а в Улясутае, по словам В.В. Долбежева, эти суммы были значительно больше [Там же. Л. 22 об.]. По поводу «неразвитости» двусторонней торговли в Улясутае, на которую указывал Пекин, исполняющий обязанности консула замечал, что некорректно измерять ее масштабы количеством лавок в одном Улясутае, так как города Западной Монголии в основном служили лишь местами переговоров, заключения сделок и складскими центрами, в то время как торговля носила преимущественно хошунный характер. По его мнению, увеличение российско-монгольского товаро-

оборота было де-факто подтверждено Пекином посредством организации в Кобдо и Улясутае специальных управлений во главе с «русскими цзурганами» еще в 1902–1903 гг. [29. Л. 25].

Дипломат также акцентировал внимание на выгодах скорейшего появления представителя России в Западной Монголии и для самого Китая. Отмечались сложности решения «смешанных» дел, в том числе неспособность торговых старшин из-за препятствий местных чиновников разбирать дела о долгах монголов, бесконтрольность «незавидного» поведения некоторых соотечественников, на счет чего улясутайским цзянцзюнем и кобдоским амбанем не раз высказывались претензии [Там же]. Не имея постоянного консульского содействия в Улясутае или Кобдо, по словам В.В. Долбежева, российские купцы не организовывали еще большего числа лавок, а также вынуждены были часто отсутствовать в городах, поскольку выезжали в Россию для засвидетельствования документов, протеста векселей и т.д. По этой же причине при невозможности законно оформить передачу торгового места в городах предприниматели передавали дела другим российским подданным, и это вызывало массу недоразумений в сделках с монголами, которые оказывались пострадавшей стороной [Там же. Л. 23 об.].

Среди других важных причин назывались низкая эффективность командировок чинов единственного ургинского консульства в Улясутай и Кобдо, так как они длились не более недели, и дела разбирались только между присутствующими в это время в городах торговцами, иски же находившихся в хошунах купцов не рассматривались. При этом письменные сношения с улясутайским цзянцзюнем и кобдоским амбанем, часто затягивавшими переписку или вовсе уклонявшимися от нее, В.В. Долбежев называл бесполезными. Насущной проблемой также называлась недостаточность авторитета российских торговых старшин в глазах местного населения. В действительности они вносили большой вклад в развитие «русского дела» в Монголии, однако их деятельность была очень трудозатратной, и в 1905–1906 гг. в Кобдо сменились 3 старшины, а старшина в Улясутае при встрече с В.В. Долбежевым просил освободить его от должности.

В донесении от 2 августа 1906 г. исполняющий обязанности консула указывал на свидетельства противодействия распространению российского влияния в Улясутае со стороны не только местных властей, но и непосредственно Пекина. В частности, в начале августа 1906 г. на аудиенцию к императору был вызван улясутайский «русский цзурган», как предполагал В.В. Долбежев, для обсуждения деятельности вновь прибывшего в Западную Монголию российского чиновника [30. Л. 28 об.]. Пекинская тактика в отношении российского представителя также выразилась в том, что некоторые служащие маньчжурских управлений в Улясутае перед приездом В.В. Долбежева советовали российским торговцам выступить с заявлением о ненужности консульства в Улясутае [Там же]. За этими действиями дипломат видел именно инструкции центрального правительства, желавшего уступок России взамен учреждения консульства в Западной Монголии,

а не инициативу местных чиновников, которые, по его свидетельству, в силу своих причин вполне разделяли взгляды о необходимости установления российского консульского надзора в округе.

В поддержку решения о скорейшем создании консульства в Улясутае высказалось и российское торговое общество Западной Монголии, которое в своей записке В.В. Долбежеву от 28 октября 1906 г. перечислило трудности, с которыми помогло бы справиться постоянное представительство МИДа [Там же. Л. 60]. Подчеркивались затруднения в общении с местными властями и населением по исковым и торговым делам, ходатайствам о нуждах российской торговли, которые не могли быть полностью разрешены редко посещавшими Улясутай и Кобдо чиновниками консульства в Урге, скопление крупных долгов российским торговцам и др. Предприниматели обращались с просьбой «не оставить» их в наступающий «тяжелый час» для российской торговли, в кратчайший срок организовать консульский контроль и предоставить участок для строительства фактории в данном городе [Там же. Л. 61 об.].

Несмотря на признание справедливыми аргументов предпринимателей и консула, а также на сообщения о новых столкновениях русских и сартов в Кобдоском округе в этот период [Там же. Л. 42 об.], в октябре 1906 г. Д.Д. Покотиллов приостановил давление на Вай-у-бу, ссылаясь на опасение привлечь внимание Японии к домогательствам России и возможность выдвижения ею требований об учреждении своего консульства в Монголии [29. Л. 39]. Более того, осенью 1906 – зимой 1907 г. в МИДе серьезно рассматривался вопрос об уступках Пекину по введению пошлин на торговлю с Монголией в обмен на открытие консульства в Улясутае. Это подчеркивает возросшую стратегическую значимость присутствия российских властей в Западной Монголии в глазах царского правительства. Ввиду этого в январе 1907 г. В.В. Долбежев в донесении Первому департаменту уже называл условия, на которые могла бы согласиться Россия на переговорах с цинским правительством об обложении российской торговли в Монголии пошлинами [Там же. Л. 40]. Однако посланник связывал размышления В.В. Долбежева о возможных уступках Китаю не с участвовавшими требованиями Пекина об отмене беспошлинного режима, а с его желанием как можно скорее занять консульский пост, в то время как торговое общество Улясутая выступало категорически против изменения торговых условий в Монголии [Там же. Л. 41]. Из-за отсутствия приемлемого решения и вследствие непреклонности Пекина, консультировавшегося с Токио, миссия на целый год заняла выжидательную позицию в вопросе о легализации деятельности консульства в Улясутае.

У предположения посланника о стремлении В.В. Долбежева ускорить назначение на должность, вероятно, были некие основания, так как, например, узнав о переводе В.Ф. Любы на пост генерального консула в Харбине, он в донесении от 8 октября 1906 г. Д.К. Семеновскому-Курилло ходатайствовал о переводе на должность генконсула в Урге [30. Л. 34]. Ходатайство не было удовлетворено, и через некоторое время на ургинский пост вернулся Я.П. Шишмарев, занимав-

ший его с 1865 г. до отпуска в 1904–1905 гг. Однако не приходится сомневаться и в реалистичности описания В.В. Долбежевым текущей ситуации в округе. По дороге к месту службы и в ходе поездок по Улясуйскому и Кобдоскому округам, в районы Китайского Алтая исполняющий обязанности консула подробно познакомился с местными делами, установил контакты с пограничной администрацией и торговцами, составил подробные отчеты об отношениях с местными маньчжурскими и монгольскими властями, состоянии российской торговли, и его аргументы представлялись весьма основательными.

В донесении от 28 января 1907 г., комментируя по запросу МИДа доклад цинского Военного министерства относительно укрепления Пекином Алтая, В.В. Долбежев указал на возрастание стратегической значимости для России Алтайского округа и нового города Шарасумэ ввиду активных военно-административных преобразований Пекина на данной территории. По его мнению, действия амбана Си Хэна по превращению китайских киргизов в оседлое население обещали усиление миграций последних на российскую территорию, а соответственно – рост числа конфликтов и пограничных дел, а также беспокойство населения пограничных районов, плохо укрепленных в военном отношении. В некоторых пунктах не имелось даже пограничных начальников, а в самом крупном из них начальство состояло из одного урядника. В этой ситуации, по утверждению дипломата, решение о консульстве требовалось «более чем когда-либо» [30. Л. 79 об. –80].

Новый импульс переговорному процессу относительно условий российской торговли в Монголии и открытия новых заграничных учреждений придало заключение российско-японского соглашения 17 (30) июля 1907 г. В его секретной части, кроме уточнения сфер влияния в Маньчжурии, закрепления прав Японии в Корее, фиксировалась договоренность относительно Внешней Монголии. Япония обязалась воздерживаться от вмешательства, которое могло бы нанести ущерб интересам России в этой части Цинской империи (ст. 3) [28. С. 538], однако на практике продолжала активность и воздействие на Пекин.

В донесении от 5 ноября 1907 г. В.В. Долбежев предлагал использовать для возобновления переговоров по открытию консульства в Улясуае новый предлог – требование цинского правительства о снабжении торгующих в Западной Монголии российскоподданных билетами с монгольским переводом. Поскольку в администрациях Томской и Иркутской губерний билеты с таким переводом не выдавались по причине отсутствия соответствующих переводчиков, то единственным органом, способным удовлетворить данные бюрократические требования, могло стать российское консульство. Предложение было поддержано Д.Д. Покотилевым, но, очевидно, Цины сделали уступку по вопросу о выдаче билетов, продолжая добиваться в обмен на создание консульства более серьезных уступок [30. Л. 99].

В феврале 1908 г. скончался посланник в Пекине Д.Д. Покотилев, и до прибытия нового посланника И.Я. Коростовца в мае 1908 г. поверенным в делах

являлся Б.К. Арсеньев. В этот период требования китайского правительства относительно введения пошлин на торговлю в Синьцзяне и Монголии повторялись, и в письмах министру финансов В.Н. Коковцову и министру торговли и промышленности И.П. Шипову от 15 марта 1908 г. министр иностранных дел А.П. Извольский высказывался о политической нецелесообразности дальнейшего уклонения от ответа Вай-у-бу [29. Л. 42 об.].

Цинский двор, также стремившийся осуществлять контроль над российско-китайскими торговыми связями посредством консульского института, с ноября 1907 г. настаивал на преобразовании в консульство своего коммерческого агентства во Владивостоке [Там же. Л. 50], функционировавшего в этом городе с 1897 г. [31]. В ходе дальнейших переговоров Пекин предложил этот шаг в качестве альтернативы отмене беспошлинной торговли как условия для назначения российского консула в Улясуае. Данное предложение рассматривалось в 1908 г. на совещании образованной в 1903 г. Особой комиссии для обсуждения вопросов, связанных с таможенной политикой России на Дальнем Востоке [29. Л. 43]. Несмотря на принципиальную нежелательность повышения статуса торгового агентства Цинской империи во Владивостоке до уровня генерального консульства, министр иностранных дел, поддержанный министром торговли и промышленности, дал распоряжение Б.К. Арсеньеву устранить зависимость между вопросами открытия российского консульства в Улясуае и отмены беспошлинного режима в Монголии и не уклоняться от переговоров по таможенным вопросам [Там же. Л. 43 об.].

Переговоры о сохранении беспошлинной торговли, осуществлявшиеся Россией уже с осознанием неизбежности уступок Китаю, закончились только через год. 28 марта 1909 г. И.Я. Коростовец секретной телеграммой уведомил Первый департамент о согласии Вай-у-бу на открытие консульства в Улясуае взамен преобразования должности коммерческого агента во Владивостоке в должность генерального консула. Нотой от 18 апреля 1909 г. царское правительство подтвердило согласие на открытие консульства Цинской империи во Владивостоке [Там же. Л. 50 об.]. К обязанностям генконсула приступил бывший коммерческий агент Пекина Гуй Фан, кандидатура которого была одобрена И.Я. Коростовцом и Приамурским генерал-губернатором П.Ф. Унтербергером.

На пост консула в Улясуае посланник рекомендовал В.Ф. Любу, «знатока Монголии» и бывшего некоторое время консулом в Урге, в тот момент служившего генеральным консулом в Харбине [Там же. Л. 50 об., 60]. До окончательного утверждения кандидата на пост консула в Урге в телеграмме от 28 марта 1909 г. И.Я. Коростовец ходатайствовал о возведении в звание консула В.В. Долбежева [Там же. Л. 46]. До весны 1909 г. В.В. Долбежев был вынужден скрывать от цзянцзюня Куй Хуана истинную цель своего пребывания в Улясуае и, по сути, выполняя консульские функции, в общении с местными властями представлялся как командированный чиновник [30. Л. 17]. Однако по получении уведомлений о договоренностях

касательно консульств во Владивостоке и Улясутае, 20 и 21 апреля 1909 г. улясутайский цзянцзюнь и амбани, а также начальники всех окружных управлений нанесли В.В. Долбежеву официальные приветственные визиты, таким образом, признав его статус [29. Л. 48].

Новый консульский округ, образованный после открытия представительства в Улясутае в апреле 1909 г., был назван Кобдо-Улясутайским, и его первый объезд В.В. Долбежев предполагал сделать в первой половине мая 1909 г. В секретной телеграмме он через Первый департамент обратился в Военное ведомство с просьбой о командировании ему из Зайсана 24 конных казаков, которые должны были проследовать вместе с консулом от границы [Там же. Л. 49]. Во время объезда округа В.В. Долбежев был задержан разбором дел в Улясутае, Кобдо и Шара-Сумэ и вынужден был прибыть в пограничный пункт Уласты только к 25 июня, а в Улясутай через Кобдо и Шара-Сумэ поехать только 30 июня [Там же. Л. 52].

В июне 1909 г. в МИДе было принято решение повысить статус улясутайского консула до генерального, чтобы соблюсти принцип взаимности в условиях назначения Пекином генерального консула во Владивосток. Для получения нового назначения В.В. Долбежеву было предложено сдать соответствующий экзамен [Там же. Л. 52]. Однако уже в 1910 г. он возглавил консульство в Чугучаке, где проработал до 1920 г., став последним императорским консулом в этом городе. Генеральным консулом в Улясутае 5 ноября 1909 г. был назначен В.Ф. Люба, и его приезд к месту службы рассчитывался на весну 1910 г. Обязанности секретаря-драгомана улясутайского консульства были вменены А.П. Хионину [32. Л. 7], который исполнял их до июля 1912 г., после чего был назначен секретарем в Ургу.

Телеграмма вице-директора Первого департамента Г.А. Плансона о назначении генерального консула В.Ф. Любы была доставлена В.В. Долбежеву с большим запозданием, и о новом российском представителе цзянцзюнь и амбани узнали только 24 декабря 1909 г. [29. Л. 65]. Перед отправлением в Улясутай зимой 1909 г. В.Ф. Люба заехал к иркутскому генерал-губернатору для получения указаний по пограничным вопросам, прояснения позиций и форм сношений по важным политическим делам в сфере совместного ведения, в том числе по «уряньхайскому» вопросу [Там же. Л. 63]. О всяческом содействии новому консулу в решении пограничных дел Первый департамент в декабре 1909 г. просил и томского губернатора, которого В.Ф. Люба планировал посетить по дороге в Улясутай [Там же. Л. 64–64 об.]. Для инструктажа со стороны посланника В.Ф. Люба также должен был заехать в Пекин [Там же. Л. 62].

Факты позволяют заключить, что процесс создания российского консульства в Улясутае являлся многотрудным. С момента утверждения российским императором мнения Государственного Совета (28 ноября 1905 г.) до получения согласия цинского внешнеполитического ведомства (28 марта 1909 г.) прошло 3 года и 4 месяца. Официальное же открытие российского представительства состоялось только во второй половине апреля 1909 г. Переговоры сторон были напря-

женными и стали очередным свидетельством различия в подходах к трактовке договорных статей, а также примером применения целого ряда дипломатических инструментов.

Открытие консульства в Улясутае произошло под преимущественным воздействием внешнеполитических факторов, невзирая на то что хозяйственная деятельность россиян в регионе нуждалась в поддержке и ранее. В диалоге по поводу учреждения консульства в Западной Монголии проявилась твердость позиции цинского правительства, которое, несмотря на внутригосударственные трудности, стремилось воспользоваться неудачными для России итогами войны с Японией, противоречиями держав и усилить контроль над отдаленными пограничными регионами, препятствуя росту в них влияния России. Немаловажным фактором неуступчивости Пекина была поддержка со стороны Токио, проявлявшего активность за пределами установленных соглашением с Россией «сфер влияния». В свою очередь, Петербург, до осени 1905 г. не форсировавший создания дополнительных форпостов в Монголии и Синьцзяне, вынужден был активизировать деятельность на этом направлении, но при этом пойти на уступки, согласившись на открытие во Владивостоке генерального консульства Китая.

В период работы российского представителя в Улясутае до официального открытия консульства внешнеполитическое ведомство России убедилось, что консульская защита интересов российских подданных в Кобдо, Шара-Сумэ и Урянхайском крае, была действительно необходима и сопряжена с целым рядом вызовов. Среди них, прежде всего, выделялись противодействие местных властей российскому присутствию и торговле выходцев из России в условиях укрепления приграничной полосы и ее заселения китайскими военнопоселенцами, нерешенный «уряньхайский» пограничный вопрос, удаленность и дисперсное проживание соотечественников в этих округах при отсутствии развитой инфраструктуры, специфика межэтнических, нередко конфликтных, взаимодействий в регионе, сложности в реализации консульской юрисдикции и др.

В этих условиях актуализировался вопрос о необходимости дальнейшего утверждения российского влияния в Западной Монголии и Китайском Алтае и создания дополнительных консульств. После поездки по консульскому округу в мае–июне 1909 г. В.В. Долбежев писал: «...При таком положении вещей и при отсутствии почтового и телеграфного сообщения в Западной Монголии Улясутайское Консульство лишено возможности поддерживать русские интересы в Кобдинском Округе, и для защиты русских интересов... необходимо безотлагательно учредить отдельное самостоятельное Русское Консульство в Шара-Сумэ, но не в Кобдо, как сказано в ст. 10 трактата 1881 г., так как старший Кобдинский Амбань перенес свою резиденцию из Кобдо в Шара-Сумэ, в виду чего г. Кобдо потерял значение административного пункта, и проживающий в Кобдо младший Амбань никаких полномочий не имеет и совершенно не касается ни урянхайцев, ни киргиз, ни торгоуццев...» [30. Л. 163–164]. Консульство в Кобдо и Шара-Сумэ было учре-

ждено в сентябре 1911 г., а в середине 1913 г. открылось отдельное консульство в Кобдо, что существенно укрепило линию защиты российских интересов в Западной Монголии. Насыщенная деятельность этих консульств сыграла важную роль в поддержании пре-

стижа России и очагов русской культуры в регионе, содействии соотечественникам и регулировании политических, хозяйственных и иных контактов России с Цинской империей, Китайской Республикой и Монголией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боявленский. Н.В. Западный Застенный Китай. Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. СПб. : тип. А.С. Суворина, 1906. 418 с.
2. Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция 1910 г. Томск : типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1911. 498 с.
3. Коростовец И.Я. От Чингисхана до Советской Республики (краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени). Улан-Батор : Эмгэнт, 2004. 560 с.
4. Даревская Е.М. Русско-монгольские экономические и культурные связи в конце XIX – начале XX вв. // Доклады и сообщения Научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока / Отд-ние ист. наук Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние Акад. наук ССР, М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Томск : Изд-во Том. ун-та, С. 9–12.
5. Даревская Е.М. Сибирь и Монголия : очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1994. 400 с.
6. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М. : Наука, 1987. 235 с.
7. Моисеев В.А. О Кульджинской школе переводчиков и толмачей // Проблемы Дальнего Востока. 1987. № 3. С. 167–172.
8. Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX – 1917 г.). Барнаул : Азбука, 2003. 346 с.
9. Сибирский купец А.Д. Васенев / сост., вступ. ст., прим., библиогр. А.В. Старцева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. Ч. 1: Дневники. 192 с.; Ч. 2: Документы и письма. 112 с.
10. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 308 с.
11. Старцев А.В. Российско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 414 с.
12. Русский консул в Монголии : отчет Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства / сост., вступ. статья, примеч., библиогр. Н.Е. Единарховой. Иркутск : Отгиск, 2001. 120 с.
13. Единархова Н.Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск : Отгиск, 2003. 252 с.
14. Единархова Н.Е. Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев. Иркутск : Репроцентр А1, 2008. 136 с.
15. Кузьмин Ю.В. Я.П. Шишмарев – генеральный консул России в Монголии: 1861–1911 // The IAMS News Information on Mongol Studies Bulletin. Ulaanbaatar. 1997. № 2 (20); 1998. № 1 (21).
16. Хохлов А.Н. Российская школа переводчиков в Кульдже // Восточный архив. 1999. № 1. С. 24–30.
17. Хохлов А.Н. Российская школа переводчиков в Урге // Восточный архив. 2001. № 6-7. С. 16–35.
18. Хохлов А.Н. Гуманная акция России в отношении населения Китая и Монголии в 1912 г. // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 83–92.
19. Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М. : Ин-т востоковедения РАН, 1999. 239 с.
20. Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. Красноярск : Красноярск. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2000. 472 с.
21. Дацышен В.Г. Синьцзян в истории русского китаеведения // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49, № 3. С. 470–486.
22. Галиев В. В. Русские консульства в Синьцзяне (конец XIX – начало XX в.). Алматы : Атамұра, 2011. 463 с.
23. Кудрявцева Е.П. Первые российские консульства в Китае // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 3 (60). С. 59–71.
24. Сизова А.А. Русские консульства в Монголии в российско-китайско-монгольском политическом взаимодействии начала XX в. // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 100–113.
25. Сизова А.А. Политическое измерение деятельности консульской службы России в Застенном Китае во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1. С. 103–107.
26. Сизова А.А. Особенности и проблемы реализации консульской юрисдикции России в Монголии во второй половине XIX – начале XX века // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура. Улан-Батор–Иркутск : : Изд-во БГУЭП, 2013. С. 134–142.
27. Сизова А.А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М. : Наука, 2015. 295 с.
28. Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / под общ. ред. В.С. Мясникова. М. : Памятники ист. мысли, 2004. 684 с.
29. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 621.
30. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616.
31. Дацышен В.Г. Консульства Китайской Республики в Сибири в системе русско-китайских отношений // Общество и государство в Китае / редкол.: А.И. Кобзев и др. М., 2012. Т. XLII, ч. 3. С. 153–159. (Ученые записки ИВ РАН. Отдел Китая. Вып. 7).
32. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623.

Alexandra A. Sizova, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: sayun@yandex.ru
THE ESTABLISHMENT OF THE RUSSIAN CONSULATE IN ULIASSUTAI IN THE CONTEXT OF THE STRATEGIC INTERACTION BETWEEN THE RUSSIAN AND QING EMPIRES OF THE EARLY 20th CENTURY

Keywords: diplomacy, consulate, Russia-China relations, Russia-Mongolia relations, the Qing Empire.

The present work deals with one of the understudied issues of the history of Russian-Chinese-Mongolian interaction in the late 19th century – the early 20th century related to the establishment of the Russian consulate in Uliassutai (now Uliastai, Mongolia). This city, along with Kalgan (Zhangjiakou), Uрга (Kulun) and Kyakhta, was an important node of the Russian-Chinese trade's "western" route and center of the Qing military administration in Mongolia (the residence of the Uliassutai jiangjun). However, despite the significance of this city, the large number of Russian traders in the vast territory of Western Mongolia and their strong need for consular protection since the 1850s, as well as Russia's right to open new consulates obtained under the treaty of St. Petersburg (1881), the imperial consulate in Uliassutai was officially established not earlier than 1909. By this time the only Russian consulate (in Uрга, est. in 1861) operated in Mongolia.

This study helps to reconstruct the process of creation of the first Russian consulate in Western Mongolia, the complicated negotiations with the Qing government and the work of the diplomat V.V. Dolbezhev, who unofficially performed consular duties in Uliassutai in 1906–1909. The analysis based on a wide range of mostly unpublished archival sources indicates that the establishment of this consulate was the result of a considerable diplomatic effort and interaction of a whole number of institutions from both the Russian and Qing sides in the context of the significant difference between two states' interests and diplomatic approaches.

In unfavorable international circumstances defined by the defeat in the Russo-Japanese War, Japan's further activity and the advancement of other "great powers" in the Far East along with Beijing's hard line against new "outposts" of Russia's influence and military strengthening of Altai, Russia, through the tireless work of diplomats in Petersburg, Mongolia and China finally managed to reach agreement with the Qing on the terms of a new consulate's establishment.

Having realized the necessity of the consulate in Uliassutai for defending Russia's political and economic interests in the region, the Russian government in the next few years used efforts to open the additional consular offices in Khobdo (Khovd) and Shara-Sume (Chenghua). These measures significantly strengthened the protection of Russian interests in Western Mongolia and Altai, contributed to the resolution of numerous problems related to economic activities of Russian subjects in Mongolia, streamlined contacts with the local Manchu (later – with Chinese) and Mongol authorities, and in many respects made possible the prominent role of Russian consular officers in Mongolia's development and in mediation of Mongolian-Chinese contradictions in the 1910s.

REFERENCES

1. Bogoyavlenskii, N.V. (1906) *Zapadnyy Zastennyy Kitay. Ego proshloe, nastoyashchee sostoyanie i polozhenie v nem russkikh poddannyykh* [Western Inner China. Its past, present state and position of Russian subjects]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
2. Bogolepov, M.I. & Sobolev, M.N. (1911) *Ocherki russko-mongol'skoy trgovli. Ekspeditsiya 1910 g.* [Essays on Russian-Mongolian trade. Expedition 1910]. Tomsk: tipo-lit. Sib. t-va pech. dela.
3. Korostovets, I.Ya. (2004) *Ot Chingiskhana do Sovetskoy Respubliki (kratkaya istoriya Mongolii s osobym uchetom novyeyshego vremeni)* [From Genghis Khan to the Soviet Republic (A brief history of Mongolia with special reference to recent times)]. Ulaanbaatar: Emgent.
4. Darevskaya, E.M. Russko-mongol'skie ekonomicheskie i kul'turnye svyazi v kontse XIX – nachale XX vv. [Russian-Mongolian economic and cultural ties in the late 19th and early 20th centuries]. In: *Doklady i soobshcheniya Nauchnoy konferentsii po istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Reports on of the Conferenc on the history of Siberia and Far East]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Darevskaya, E.M. (1994) *Sibir' i Mongoliya: ocherki russko-mongol'skikh svyazey v kontse XIX – nachale XX vekov* [Siberia and Mongolia: Essays on Russian-Mongolian relations in the late 19th and early 20th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University.
6. Chimitdorzhiev, Sh.B. (1987) *Rossiya i Mongoliya* [Russia and Mongolia]. Moscow: Nauka.
7. Moiseev, V.A. (1987) O Kul'dzhinskoy shkole perevodchikov i tolmachey [On the Kuldjin school of interpreters and interpreters]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Studies*. 3. pp. 167–172.
8. Moiseev, V.A. (2003) *Rossiya i Kitay v Tsentral'noy Azii (vtoraya polovina XIX – 1917 g.)* [Russia and China in Central Asia (second half of the 19th century – 1917)]. Barnaul: Azbuka.
9. Startsev, A.V. (ed.) (1994) *Sibirskiy kupets A.D. Vasenev* [Siberian merchant A.D. Vasenev]. Barnaul: Altay State University.
10. Startsev, A.V. (2003) *Russkaya trgovlya v Mongolii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Russian trade in Mongolia (second half of the 19th century – early 20th century)]. Barnaul: Altay State University.
11. Startsev, A.V. (2013) *Rossiysko-mongol'skie trgovno-ekonomicheskie otnosheniya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Russian-Mongolian trade and economic relations in the second half of the 19th and early 20th centuries.]. Barnaul: Altay State University.
12. Edinarkhova, N.E. (ed.) (2001) *Russkiy konsul v Mongolii: otchet Ya.P. Shishmareva o 25-letney deyatelnosti Urginskogo konsul'stva* [Russian Consul in Mongolia: Report by Y.P. Shishmarev on 25 years of the Urga Consulate]. Irkutsk: Ottisk.
13. Edinarkhova, N.E. (2003) *Russkie v Mongolii: osnovnye etapy i formy ekonomicheskoy deyatelnosti (1861–1921 gg.)* [The Russians in Mongolia: main stages and forms of economic activity (1861–1921)]. Irkutsk: Ottisk.
14. Edinarkhova, N.E. (2008) *Russkoe konsul'stvo v Urge i Ya.P. Shishmarev* [The Russian Consulate in Urga and Ya.P. Shishmarev]. Irkutsk: Reprotsentr AI.
15. Kuzmin, Yu.V. (1997) Ya.P. Shishmarev – general'nyy konsul Rossii v Mongolii: 1861–1911 [Ya.P. Shishmarev – Consul General of Russia in Mongolia: 1861–1911]. *The IAMS News Information on Mongol Studies Bulletin*. 2(20).
16. Khokhlov, A.N. (1999) Rossiyskaya shkola perevodchikov v Kul'dzhe [Russian interpreter school in Kuldja]. *Vostochnyy arkhiv – The Oriental Archive*. 1. pp. 24–30.
17. Khokhlov, A.N. (2001) Rossiyskaya shkola perevodchikov v Urge [Russian school of interpreters in Urga]. *Vostochnyy arkhiv – The Oriental Archive*. 6. pp. 16–35.
18. Khokhlov, A.N. (2008) Gumannaya aktsiya Rossii v otnoshenii naseleniya Kitaya i Mongolii v 1912 g. [Russia's humane action against the people of China and Mongolia in 1912]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 83–92.
19. Belov, E.A. (1999) *Rossiya i Mongoliya (1911–1919 gg.)* [Russia and Mongolia (1911–1919)]. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
20. Datsyshen, V.G. (2000) *Istoriya rossiysko-kitayskikh otnosheniy v kontse XIX – nachale XX vv.* [History of Russian-Chinese relations in the late 19th and early 20th centuries.]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
21. Datsyshen, V.G. (2019) Sin'tsyzan v istorii russkogo kitaevedeniya [Xinjiang in the history of Russian Sinology]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae – Society and State in China*. 49. pp. 470–486.
22. Galiev, V.V. (2011) *Russkie konsul'stva v Sin'tsyzane (konets XIX – nachalo XX v.)* [Russian Consulates in Xinjiang (late 19th – early 20th centuries)]. Almaty: Atamyr.
23. Kudryavtseva, E.P. (2018) Establishment of the first Russian consulates in China in 1851–1852. *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 3(60). pp. 59–71. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2018-3-60-59-71
24. Sizova, A.A. (2009) Russkie konsul'stva v Mongolii v rossiysko-kitaysko-mongol'skom politicheskom vzaimo-deystvii nachala XX v. [Russian Consulates in Mongolia in Russian – Chinese – Mongolian Political Interaction of the Early 20th Century]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Studies*. 6. pp. 100–113.
25. Sizova, A.A. (2011) Political dimension of Russia's consulates in Outer China in the second half of the 19th century – early 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1. pp. 103–107. (In Russian).
26. Sizova, A.A. (2013) Osobennosti i problemy realizatsii konsul'skoy yurisdiksiy Rossii v Mongolii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Peculiarities and problems of implementation of Russian consular jurisdiction in Mongolia in the second half of the 19th and early 20th centuries]. In: *Rossiya i Mongoliya na rubezhe XIX–XX vekov: ekonomika, diplomatiya, kul'tura* [Russia and Mongolia at the Turn 20th Century: Economy, Diplomacy, Culture]. Ulaanbaatar; Irkutsk: BSUEP. pp. 134–142.
27. Sizova, A.A. (2015) *Konsul'skaya sluzhba Rossii v Mongolii (1861–1917)* [Russian Consular Service in Mongolia (1861–1917)]. Moscow: Nauka.
28. Myasnikov, V.S. (ed.) (2004) *Russko-kitayskie dogovorno-pravovye akty. 1689–1916* [Russian-Chinese treaties and legal acts. 1689–1916]. Moscow: Pamyatniki ist. mysl.
29. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 621.
30. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 616.
31. Datsyshen, V.G. (2012) Konsul'stva Kitayskoy Respubliki v Sibiri v sisteme russko-kitayskikh otnosheniy [Consulates of the Republic of China in Siberia in the system of Russian-Chinese relations]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae – Society and State in China*. XLII (3). pp. 153–159.
32. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 623.